

Он пахнет?

Линь Ишэнь опешил от такого вопроса. Если бы не слишком крепкие объятия Цзи Хуая, он бы и сам попытался принюхаться — действительно ли от него исходит какой-то запах.

Альфы, впавшие в период гона, совершенно не умеют рассуждать здраво. Цзи Хуай просто заключил Линь Ишэня в кольцо рук, и стоило тому лишь слегка и с неудовольствием шевельнуться, как альфа тут же сжимал хватку еще сильнее.

Альфа просто прижимал его к себе, и кроме того, что его подбородок время от времени терся о боковую часть чужой шеи, больше не совершал никаких вольностей.

Он выглядел так, будто превратил Линь Ишэня в большую подушку для обниманий.

Линь Ишэнь уставился на постепенно усеивающееся звездами небо, в то время как желудок скручивало от голода спазмами.

Уже совсем стемнело. От первоначального страха и беспомощности не осталось и следа — на смену им пришло оцепенение. В отчаянии он даже подумал: «Ладно, если совсем припрет, пусть Цзи Хуай меня укусит. В конце концов, это лучше, чем мучиться так всю ночь, а завтра утром попасться на глаза одноклассникам и учителям — тогда уж точно отмываться замучаешься, даже в Желтой реке не сможешь».

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем дыхание и состояние человека за его спиной постепенно выровнялись. Линь Ишэнь воспользовался моментом, чтобы немного подвигаться, и хотел предложить Цзи Хуаю просто поставить ему временную метку — так было бы лучше для них обоих.

Но стоило ему лишь шевельнуться, как обнимавшие его за талию руки мгновенно сжались, а длинные пальцы сильно впились в бок.

Этот жест был не более чем танцем на краю пропасти перед лицом дикого зверя, погруженного в пучину плотского желания.

Волны покалывания заставили кожу на голове онеметь, бэту против воли проняла мелкая дрожь, из горла вырвался сдавленный стон, а дыхание сбилось.

За семнадцать лет жизни он и помыслить не мог, что когда-нибудь сам полезет под чужие зубы ради метки, да еще и от альфы, которого так страшился.

Заметив, что появилась надежда и с альфой все еще можно вести диалог, Линь Ишэнь набрался храбрости и предложил:

— Тебе же тяжело в период гона? Может, укусишь меня, выпустишь свои феромоны, а когда отпустит, я отвезу тебя в больницу?

Он стянул воротник школьной формы, и железа бэты, которому не требовалось носить пластырь-блокатор, мгновенно обнажилась.

Железа — один из самых уязвимых органов человеческого тела. Она вот так открыто красовалась перед глазами альфы, напоминая сладкую конфетку, которая манит взять ее в рот, разгрызть и слизать.

Реакция бэты изрядно позабавила скверного альфу. Уголки его губ изогнулись в легкой улыбке, а клыки слегка прижались к жалко дрожащей железе, несильно надавливая.

Линь Ишэнь от напряжения окоченел всем телом, тяжело сглотнул и мягким, успокаивающим голосом заговорил с альфой:

— Я не собираюсь сбегать. Ты держишь слишком крепко, мне нечем дышать.

Кадык альфы дернулся, а взгляд был намертво прикован к железе бэты.

— Староста действительно не против, чтобы я его пометил?

Взгляд альфы потемнел, кончик языка едва заметно коснулся клыка, а дыхание сбилось.

— Не двигайся!

Альфа замер, но хватку понемногу ослабил.

Низкий, похожий на рычание зверя голос альфы раздался прямо у самого уха, отчего барабанные перепонки закололо.

— Стоит мне укусить, как староста с ног до головы, изнутри и снаружи пропитается моими феромонами. Ты начнешь впадать в период течки, как те омеги, станешь без меры зависеть от меня, ежеминутно нуждаясь в успокоении моих феромонов, и тебя неудержимо потянет вить гнездо и спариваться — до тех пор, пока моя метка полностью не исчезнет из твоего тела.

— Я всего лишь бэта, метки на меня не действуют, и ответственности с тебя я не требую, так что можешь не переживать на этот счет.

Линь Ишэнь произнес это с героическим видом, хотя мочки ушей и щеки густо покраснели от стыда за собственные столь дерзкие слова.

Альфа ничего не ответил — то ли вслушался в его слова, то ли пропустил их мимо ушей, — но тереться о его шейный отдел перестал.

Линь Ишэнь решил ковать железо пока горячо, совершенно не подозревая, что шаг за шагом ступает в бездну.

Линь Ишэнь отчаянно напрягся всем телом, опустив голову. Выпирающие позвонки под кожей, незагорелая кожа на заливке отливала розоватым, а чуть переросшие пряди волос едва прикрывали железу размером с соевое бобовое зернышко.

Спустя долгое время Линь Ишэнь почувствовал, что прижимавшееся к его спине тело альфы слегка отпряло назад. Затем тепловатые кончики пальцев накрыли выступающие позвонки и принялись с силой растирать и массировать их, а подушечки пальцев то и дело скользили по коже возле железы.

— И так тоже можно?

Что? Неужели последствия метки для бэты настолько серьезные? На уроках биологии об этом не рассказывали!

Помрачневшее сознание Линь Ишэня мгновенно прояснилось. Он признавал, что на этот раз действительно испугался — испугался, что и впрямь упадет в течку и начнет вить гнездо, как предрек Цзи Хуай.

— Тогда я передумал, отпусти меня!

Он походил на умирающую добычу в пасти свирепого зверя и забился из последних сил, но был безжалостно подавлен.

Соппротивление бэты окончательно разозлило альфу в период гона: запустив пальцы в волосы, он прижал затылок бэты к крышке парты.

Движение было не слишком сильным, но в нем отчетливо читались неумолимое стремление к контролю и тяжелое чувство собственности.

— Я же говорил — не двигайся. Почему ты вечно не учишься на ошибках?

За окном класса лунный свет пробился сквозь тучи, окутав погруженный во тьму мир зыбким, призрачным сиянием.

Из-за того, что лицо было прижато щекой к столешнице, а руки заведены за спину и намертво зафиксированы, Линь Ишэнь чувствовал себя ужасно неудобно.

Альфа полностью растворился в темноте, и Линь Ишэнь мог разглядеть лишь его высоко поднятый подбородок да сверкающие холодным звериным блеском глаза. Не сомневайся: стоящий перед ним Альфа действительно мог прокусить его плоть, впрыснуть свои властные феромоны в хрупкую железу и полностью, до конца поставить метку.

Феромоны в воздухе сгустились до состояния тумана, накрепко обволакивая добычу в пределах своей сферы влияния и не оставляя ему нилейшего шанса на побег.

В ноздрях стоял резкий запах крепкого алкоголя, смешанный с тонкими нотками мятного холодка.

Линь Ишэнь был охвачен диким ужасом: инстинктивное подчинение Альфам лишало его даже мысли о сопротивлении. Ощущение давления достигло предела его выносливости, и слёзы снова неудержимо брызнули из глаз.

Капля за каплей, словно жемчужины, они падали на крышку стола.

— Я не знал, к каким последствиям приведет то, что Бету пометят, я жалею. Можешь считать, что я только что нес чушь, отпусти меня на этот раз.

Он всхлипывал от слез и тихо умолял.

Жалкий вид Беты в полной мере удовлетворил извращенную жажду мучительства и собственнические инстинкты Альфы. Тот искрил губы в усмешке и хмыкнул:

— Какая жалость...

Пальцы Альфы, зарывшиеся в затылок Беты, скользили по коже головы, то поднимаясь, то опускаясь. Неукротимое блаженство в груди заставляло кончики пальцев подрагивать. С величайшим трудом сдерживая себя, он не стал грубо хватать Бету за волосы и яростно впиваться в его побледневшие, лишённые краски от страха губы.

Кончик носа Альфы легко потщился о его щеку, слизывая соленые слезы. Наслаждаясь тем, как Бета от страха и изумления широко распахнул глаза, он перенес движение на кусочек плоти на затылке Беты и со злостью прокусил кожу.

Запах крови мгновенно заполнил рот. Распробовав вкус крови, Альфа потерял голову еще сильнее: его клыки вонзились в мягкую плоть с такой свирепостью, будто он собирался вырвать ее кусок наживо.

Линь Ишэнь слегка приоткрыл губы. Феромоны высшего Альфы властно вливались в железу, густая и колющая волна мурашек пробежала по всем нервам его тела. Взгляд остекленел и потерял фокус, в ушах стоял непрерывный гул, казалось, будто его душу вышибло из тела, а затем жестоко втащило обратно и принялось перемалывать сильной болью в затылке.

В носу смешались запахи крови, мяты и крепкого алкоголя. Его тело крупно дрожало, слёзы текли беззвучно.

В этот момент бегство времени потеряло всякий смысл. Затылок онемел от боли, словно перестал быть частью его собственного тела.

Цзи Хуай всё же проявил милосердие: впрыснув феромоны и немного успокоившись, он не стал углублять Временную метку, а лишь терзал зубами тот самый исцарапанный лоскут кожи на

выступающих позвонках.

Феромоны Альфы благополучно проникли в железу Беты и, словно свирепый зверь, метящий свою территорию, вновь взволнованно окутали каждый дюйм его тела.

Линь Ишэнь без всяких раздумий мог представить, насколько сильным был исходящий от него аромат мятного алкоголя — выйди он так на улицу, прохожие непременно вызвали бы полицию.

Долгое и мучительное истязание продолжалось неизвестно сколько, пока Альфа наконец с чувством полного удовлетворения не высвободил клыки.

Линь Ишэнь решил, что всё наконец закончилось. Не успел он даже облегченно выдохнуть, как понял, что Альфа вовсе не собирается его отпускать, и продолжал слегка покусывать и жевать мягкую плоть.

Потрясения, обрушившиеся на Линь Ишэня за столь короткое время, оказались слишком сильными. Обида, страх, необходимость защищаться от угрозы повторной метки со стороны Цзи Хуая, да вдобавок еще и скручивающие желудок муки голода — всё это довело его до такого изнурения, что он потерял сознание.

Вдоволь натешившись, Цзи Хуай успокоился. Здравый смысл подсказывал, что ему следовало немедленно отпустить измученного Бету, но сердце отчаянно противилось этому.

Подобно дракону, сторожащему сокровища, он прижимал Бету к себе и наотрез отказывался выпускать из рук.

Его взгляд блуждал по фигуре Беты, не желая упускать ни единой крошечной детали этой прекрасной картины.

Уголки глаз и нос Беты покраснели от слез, на длинных загнутых ресницах еще дрожали мельчайшие капельки, уголки губ обиженно опустились, а изящные брови были нахмурены — даже во сне он не мог избавиться от страха, внушенного Альфой.

Словно забавляясь с котенком, Цзи Хуай ладонью раз за разом гладил мягкие пряди волос, слегка прищурив продолговатые глаза.

Боковым зрением он заметил, как отвратительно искусана мягкая плоть на затылке Беты, и его темные садистские желания получили невиданное доселе удовлетворение, переполнив его до краев. Он беззвучно вздохнул, а уголки его губ искривились в безумной, извращенной улыбке.

Линь Ишэнь был всего лишь Бетой и не мог послужить успокоением, подобно Омегам. Период гона Цзи Хуая не только не закончился после выброса эмоций, но вспыхнул с еще большей, свирепой силой.

Бета уже потерял сознание и полностью лишился способности сопротивляться — Альфа мог легко унести его, запереть в четырех стенах, а затем присвоить и пометить.

Однако Цзи Хуай так не поступил. Он прекрасно понимал, что этот изнеженный Бета просто не выдержит целых семь дней его периода гона.

— Это ты сам меня спровоцировал... — тихо пробормотал он.

Сделав несколько глубоких вдохов, он с трудом подавил жгучее желание проглотить лежащего перед ним Бету целиком, с явным сожалением легко коснулся губами покрытого испариной лба прижатого к нему Беты и остался несогласен отпустить его без прощального ласкового поцелуя.

Цзи Хуай закинул его руки себе на плечи, надежно зафиксировав, и легко, словно младенца, поднял одной рукой, а второй подхватил их школьные рюкзаки и вышел из аудитории.

<http://bllate.org/book/21021/2136836>